

Столичный град, больница

Сквозь прозрачное стекло в палату проникали мягкие лучи солнца. Они ложились на белоснежную простыню, овеяв спящего Нань Цзина чистым серебристым сиянием. Из-под ворота его рубашки выскользнул серебряный колокольчик загробного союза, коснувшись бледных губ. В этом свете кожа юноши казалась почти прозрачной, белее стоявших на прикроватном столике лилий. Тёмные ресницы замерли, подобно крыльям хрупких ночных бабочек. Один лишь его вид рождал благоговение — будить его не поднималась рука.

Нань Хунсюань сидел у постели и с плохо скрываемой завистью разглядывал лицо кузена. Это была элитная частная клиника в столице, построенная на инвестиции семьи Юй. Палата Нань Цзина — роскошный люкс на самом верхнем этаже. Лилии сюда доставляли спецрейсом, а на тумбочке небрежно красовалась статуэтка из ценнейшего нефрита-тяньхуана, который стоил дороже золота.

Поговаривали, будто Юй Аньянь перед лицом смерти думал только о Нань Цзине. А его отец, влиятельный магнат Юй Хун, из благодарности за спасение сына окружил юношу поистине королевской заботой.

«Если бы тогда согласился нести тот сине-черный кувшин я...» — подумал Хунсюань, с досадой прикусив губу.

Сейчас на месте брата, осыпаемый милостями семьи Юй, грелся бы он сам.

Лицо Нань Цзина, обычно отличавшееся резкими, выразительными чертами, сейчас казалось удивительно нежным. Эта полупрозрачная бледность в сочетании с серебряным колокольчиком у алых губ придавала ему какую-то потустороннюю, чарующую красоту.

Хунсюань коснулся усыпанного драгоценными камнями браслета на запястье и упрямо подумал, что ничем не хуже. Напротив, его происхождение благороднее, а статус в обществе выше. Раз уж Нань Цзин спас наследника Юй, то и к нему, как к члену семьи Нань, великий клан обязан отнестись с глубочайшим почтением.

— М-м... — ресницы Нань Цзина дрогнули.

Он открыл глаза. Белый потолок сначала показался размытым, но сознание быстро вернулось. Повернув голову, он увидел Нань Хунсюаня, раздетого в брендовые шмотки, который преданно и слезливо заглядывал ему в лицо.

На лице Хунсюаня мгновенно расцвела приторная улыбка.

— Братец Цзин, ты наконец-то очнулся! — пропел он елейным голосом.

Нань Цзина едва не стошнило. Эта неестественно-слащавая физиономия и фальшивый тон вызвали у него непреодолимое желание врезать гостю. После голодных дней в деревне Одинокого Дракона увидеть подобное зрелище сразу после пробуждения было сущим наказанием — хуже встречи с самым злобным призраком.

Нань Цзин прищурился и без лишних церемоний отрезал:

— Сгинь. Видеть тебя не желаю и слушать твой бред тоже не намерен. Убирайся.

— Братец, мы же всё-таки родная кровь, — улыбка Хунсюаня на мгновение застыла. Натолкнувшись на ледяной взгляд, он демонстративно поправил дорогой браслет, словно ища в нём поддержку. Аккуратно уложив пальцами безупречную причёску, он скромно сложил колени и с напускным достоинством произнёс: — Я пришёл не просто так, а принёс тебе кое-что. Да и люди Юй, к слову, принимали меня со всем уважением.

Подтекст улавливался без труда: «Знай своё место и не наглей».

Нань Цзин мысленно взвешивал варианты: взять ли назойливого гостя за шиворот и вышвырнуть за дверь или просто заломить ему руки и вытолкать в коридор? Какой способ потребует меньше сил от только что пришедшего в себя организма?

Заметив отрешённый взгляд кузена, Хунсюань недовольно поморщился. Он поднял небольшой ларец из красного дерева и пододвинул его к кровати:

— Вот. Семья Бай прислала эту шкатулку к нам в поместье. Сказали, что открыть её можешь только ты. Так что я, как видишь, лично привёз её тебе.

«Семья Бай?»

Без особого интереса Нань Цзин скользнул взглядом по шкатулке. Но едва его взор упал на дерево, раздался звонкий металлический щелчок. Серебряный колокольчик на его шее внезапно вздрогнул. Юноша замер и прикоснулся к ожерелью. Вибрировал самый левый бубенец, соседствующий с тем, что связывал его с Юй Аньянем.

Нань Цзин присмотрелся к замку на передней панели шкатулки. Там виднелась круглая выемка странной формы, словно предназначенная для... колокольчика?

Хунсюань подался вперёд, пожирая ларец жадным взглядом, и нетерпеливо затараторил:

— Ну же, Нань Цзин, как ты его откроешь? Живее, поглядим, что внутри!

«Откуда у него связи с кланом Бай?» — Хунсюань не сводил глаз с рук кузена. О преемнике

великого рода, загадочном Бай Гуаньине, ходили легендарные слухи. В шоу-бизнесе постоянно шептались о его неземной красоте и несметных богатствах, превосходящих даже влияние семьи Юй.

Игнорируя суету кузена, Нань Цзин взял шкатулку. Она была совсем крошечной, размером с ладонь. Стоило поднести её ближе, как донёлся едва уловимый аромат — прохладный и чистый запах цветущего лотоса под затяжным южным дождём. В этом влажном, тонком благоухании чудилась атмосфера туманного летнего сада.

Перехватив пальцами звенящий серебряный бубенец, Нань Цзин вставил его точно в углубление замка. Раздался тихий щелчок, крышка плавно откинулась, являя взору два листа тончайшей рисовой бумаги: один — с золотым напылением, другой — безупречно белый.

Первым делом он вытащил лист с золотой крошкой. Развернув его, юноша мгновенно замер. В самом верху каллиграфическим почерком было выведено: «Императорская академия проникновения в сокровенное».

«Императорская академия...» — именно это таинственное место упоминал незнакомец в чёрном одеянии на призрачной лестнице в горах Одинокого Дракона.

Хунсюань вытянул шею, пытаясь рассмотреть содержимое послания, и растерянно воскликнул:

— Что там написано? Почему я ничего не вижу?!

Бумага явно была исписана, но сколько бы Хунсюань ни всматривался, перед глазами всё расплывалось. Лишь на мгновение сквозь золотую рябь проступили зловещие очертания слов «Призрачный дом в сосновом бору», после чего текст снова скрылся в тумане.

Накатила удушливая злоба. Отец всегда твердил, что Нань Цзин — всего лишь безродный выскочка, пустое место. Но теперь этот никчёмный брат купается в лучах славы благодаря покровительству Юй, да ещё и получает личные послания от семьи Бай!

«Я ничем не хуже его, — упрямо твердил себе Хунсюань. — Я обязан узнать, что там!»

Нань Цзин оторвался от чтения и с искренним недоумением посмотрел на кузена:

— Ты почему ещё здесь?

Он действительно успел позабыть о его существовании.

Хунсюань побагровел от злости, но не успел вставить и слова. Дверь палаты распахнулась. На пороге появился Юй Аньянь. На нём была простая больничная сорочка, поверх которой он

небрежно набросил длинное чёрное пальто.

Режиссёр первым делом устремил взор на постель. На Нань Цзине была мягкая хлопковая рубашка — белый цвет шёл ему необычайно, хотя носил он его редко. На фоне этой белизны ярко выделялась алая нить с колокольчиками. Когда юноша повернул голову, из-под прядей тёмных волос блеснули светлые глаза с едва заметной краснотой у век. Кожа казалась почти прозрачной, рождая ощущение щемящей незащитности. Тонкие губы были слегка сжаты. Сидящий в окружении белоснежных лилий и мягкого солнечного света, Нань Цзин сочетал в себе опасную остроту и манящую хрупкость.

Кадык Юй Аньяня судорожно дёрнулся. Он смотрел на живого, дышащего Нань Цзина и не мог отвести глаз.

— Нань Цзин... — выдохнул он.

Слова застряли в горле. Сделав шаг к кровати, режиссёр склонился над ним, ловя каждое движение. Ему отчаянно хотелось подойти ближе, коснуться нежной, тёплой кожи на его шее, почувствовать биение пульса под пальцами. Казалось, стоит лишь протянуть руку — и он безраздельно завладеет им. Сердце сладко сжалось.

Нань Цзин нахмурился и инстинктивно отклонился назад. Поведение Аньяня снова ставило его в тупик. После всего, что произошло в той жуткой усыпальнице с гробом, он совершенно перестал понимать этого человека. Впрочем, главное сделано: колокольчик у него, а жизнь наследника Юй спасена.

— Господин Юй! — приторный голосок бесцеремонно нарушил повисшее молчание. Хунсюань сиял от восторга. — Возможно, вы помните меня? Я Нань Хунсюань. У меня уже немало ролей в кино, правда, поработать с вами мне пока не доводилось.

Он кокетливо приподнял руку, демонстрируя дорогой браслет, и слегка повернул голову, подставляя под свет изящный профиль. Скромно опустив ресницы, он продолжил:

— Мастер тогда сказал, что только наша семья способна вам помочь. Если бы не благословение рода Нань, мой брат ни за что бы не решился нести тот кувшин. От лица всей нашей семьи поздравляю вас с чудесным исцелением, режиссёр Юй.

Разодетый в пух и прах, обутый в мягкие сапожки из тончайшей кожи, Хунсюань тщетно пытался скрыть заискивающую ухмылку и алчное ожидание на своём подкрашенном лице.

Юй Аньянь медленно закатал рукава пальто, обнажая крепкие предплечья. Ледяной взгляд скользнул по гостю.

— Значит, вы приняли тот кувшин, а потом всучили его Нань Цзину? — негромко спросил он.

Хунсюань поспешно закивал, решив, что его план сработал:

— Именно! Не передай мы сосуд Нань Цзину, он бы и пальцем к нему не прикоснулся.

Он укоризненно покосился на Нань Цзина, а затем снова заглянул в глаза режиссёру, сияя от счастья:

— К счастью, я уговорил отца пообещать ему пять миллионов, только тогда он согласился. Какое счастье, Аньян, что ты теперь в порядке!

Лицо Юй Аньяня мгновенно потемнело.

Хунсюань, ослеплённый собственной глупостью, ничего не заметил. Он застенчиво погладил браслет и потупил взор:

— Ой, простите, режиссёр Юй... Я просто так переволновался, что невольно назвал вас по имени...

Договорить он не успел. Юй Аньян молниеносно, без малейшего предупреждения, нанёс ему сокрушительный удар ногой в грудь. Хунсюань даже пикнуть не успел, как отлетел к противоположной стене. В панике он попытался закричать, но, встретившись взглядом с разъярённым режиссёром, мгновенно прикусил язык от ужаса.

Юй Аньян глухо рассмеялся. Окинув скорчившуюся на полу фигуру презрительным взглядом, он процедил сквозь зубы:

— Прекрасный план. Твой папаша выгреб у моей семьи десять миллиардов, выдав Нань Цзину жалкие гроши. Всю смертельную опасность взял на себя он, а сливки решили снять вы?

— И после этого ты смеешь заявляться сюда и давить на него? — режиссёр зло заскрежетал зубами. — Похоже, бизнесу вашей семейки пришёл конец.

Прежде чем Хунсюань успел взмолиться о пощаде, Аньян крикнул в сторону коридора:

— Охрана! Вышвырнуть эту дрянь отсюда!

Дверь немедленно распахнулась, и двое крепких мужчин в чёрных костюмах бесцеремонно выволокли обмякшего, онемевшего от страха Хунсюаня наружу, грубо бросив его на холодный пол коридора.

Дверь с тихим щелчком закрылась перед его носом.

Оказавшись на полу, Хунсюань задрожал всем телом. Что значили слова Юй Аньяня? Крах семейного дела? Осознание неминуемой катастрофы ледяной волной накрыло его с головой.

Пальцы судорожно скребли паркет. Нет, этого нельзя допустить! Род Нань не должен пасть! Нужен покровитель. Но кто? Те влиятельные мужчины из шоу-бизнеса, с которыми он крутил романы? Хунсюань лихорадочно перебирал имена. Нет, бесполезно. Всё это мелкие сошки, они ничем не помогут против гнева Юй.

Он поднял взгляд на закрытую дверь палаты, и тут в его памяти всплыл изящный ларец из красного дерева. Точно! Есть один человек, чьё могущество безгранично...

Бай Гуаньинь!

Молодой господин Бай сумеет всё уладить!

А ключ к его вниманию — те загадочные слова на золотистой бумаге: «Призрачный дом в сосновом бору».

Тем временем в палате Нань Цзин даже не повернул головы, когда кузена вышвыривали вон. Всё его внимание было приковано к исписанной золотой бумаге. Это было приглашение. Юноша невольно прочитал вслух:

— Приглашение на состязание первокурсников Императорской академии проникновения в сокровенное.

«Нань Цзин, поскольку вы успешно уцелели после столкновения со свирепым призраком на горе Одинокого Дракона, вам присвоен статус абитуриента. Императорская академия проникновения в сокровенное приглашает вас принять участие в Шестом турнире первокурсников».

«Турнир первокурсников?»

Нахмурившись, он углубился в чтение. Ниже следовало краткое описание:

«Место проведения Шестого турнира первокурсников: Призрачный дом в сосновом бору в городе Сяши.

Некогда популярный интерактивный квест "Призрачный дом в сосновом бору", обустроенный в здании заброшенной школы, недавно был спешно закрыт властями. Десятого июня туда зашла группа популярных стримеров численностью более десяти человек для проведения пробной

игры в прямом эфире. Вскоре миллионы зрителей заметили перебои со связью, а спустя два часа трансляция прервалась под отчаянные крики о помощи.

Администрация платформы экстренно заблокировала каналы и завершила трансляцию. Трое участников погибли при загадочных обстоятельствах. По данным следствия, выжившие стримеры после возвращения домой впали в глубокий психоз. Четверо из них совершили несколько попыток самоубийства, которые удалось предотвратить. Оставшиеся семь человек категорически отказываются обсуждать произошедшее в стенах квеста, ссылаясь на полную потерю памяти...

Настоящее приглашение даёт право шестнадцатого июня воспользоваться любым авиарейсом до аэропорта Сяши, где вас встретят представители академии для сопровождения к месту проведения состязания».

Юй Аньянь, стоявший у постели, вчитывался в золотистые строки вместе с ним. Он вслух озвучил финальную приписку:

— «Просим принять во внимание: турнир первокурсников будет транслироваться в прямом эфире. Победителей ждут щедрые награды. Организаторы не несут ответственности за сохранение жизни участников».

— Нань Цзин, — Аньянь поднял на него потемневшие глаза, его голос сорвался. — Что это за безумие?

— Вступительный турнир, — задумчиво ответил Нань Цзин и тут же твёрдо добавил: — Я еду.

Прежде чем режиссёр успел возразить, Нань Цзин достал из шкатулки второй лист. Тонкая белая бумага была прочной, гладкой, как шёлк, и слегка прохладной на ощупь. От неё исходил едва уловимый аромат лотоса.

Юноша развернул её. Аньянь заглянул ему через плечо и резко застыл — его зрачки сузились. На безупречно белом листе изящным каллиграфическим почерком была выведена лишь одна короткая фраза:

«Нань Цзин, я жду, когда ты заберёшь мой колокольчик».

Внизу стояла подпись: «Бай Гуаньинь».